

НІАВЕСА

Пытаясь проснуться

18+

ПЕП ПЕРШТЕЙН

Павел Пепперштейн
Пытаясь проснуться

«Individuum»

2022

УДК 82-32
ББК 84(2)6

Пепперштейн П. В.

Пытаясь проснуться / П. В. Пепперштейн — «Individuum», 2022

ISBN 978-5-6047190-2-2

«Пытаясь проснуться» – первый в истории русской литературы результат сотрудничества между человеком и машиной. Человек – Павел Пепперштейн, писатель, художник, визионер. Машина – НейроПепперштейн, лингвистическая модель ruGPT-3, обученная на корпусе текстов Павла и способная имитировать его стиль до такой степени правдоподобия, что мы оставили возможность читателям угадать, кто стоит за каждым из 24 рассказов в этой книге. Калейдоскоп сюжетов в этом сборнике представляет интерес не только как эксперимент на стыке литературы и технологий, но и как магические сказки, плавающие реальность, – вас ждут новое прочтение «Репки», шахматные партии, меняющие ход истории, встреча диверсанта Реброва с могущественными Древними, загадочный белок забвения, а также призраки, сновидцы и колдуны. Может ли психоделический реализм Пепперштейна достичь новых, пьянящих и щекочущих воображение высот с помощью цифрового слепка его таланта? Что делает автора писателем и могут ли нейросети претендовать на это звание? Как выглядит будущее литературы и где заканчиваются человеческие критерии ее оценки? «Пытаясь проснуться» подсказывает ответы на эти вопросы и задает новые.

УДК 82-32

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6047190-2-2

© Пепперштейн П. В., 2022

© Individuum, 2022

Содержание

Предисловие главного редактора Individuum	7
Из забвения	10
Охотник	12
Репка	17
Будни Пухлеванова	19
Новое платье королевы	24
Развилка	26
Аристократ из Аристограда	29
Пасека самоубийцы	31
Встреча	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Павел Пепперштейн, Нейро Пепперштейн Пытаясь проснуться

© Павел Пепперштейн, текст, 2022

© Нейро Пепперштейн, Сбербанк, 2022

© Павел Пепперштейн, иллюстрация на обложке, 2022

© ООО «Индивидуум Принт», 2022

Предисловие главного редактора Individuum

Перед вами необычная книга. Дело не только в том, что произведения Павла Пепперштейна, неумолимого выдумщика, творца сказочных миров и зачинателя психоделического реализма, сложно вообще назвать обычными. «Пытаясь проснуться» отличается как от случайных соседей по книжным полкам, так и от других книг Павла. Это первый в истории человечества опыт сотрудничества писателя и нейросети, зафиксированный в виде бумажной книги. Из 24 текстов в этом сборнике только половина принадлежит Пепперштейну – еще дюжину сочинил его цифровой «двойник». Можно назвать его суперкомпьютером, но точнее будет сказать, что 12 рассказов в этом сборнике написала генеративная нейросеть *gPT-3*, дополнительно обученная на корпусе текстов Павла и запущенная на суперкомпьютере «Кристофари» (для работы модели *GPT-3* требуются мощности, в сотни раз превышающие возможности обычных ноутбуков). «Двойник», прозванный разработчиками НейроПепперштейном (Павел же предложил имя Тесорйен), писал тексты в несколько заходов, с промежуточной калибрацией и дополнительным обучением. Дальше рассказы проходили многоступенчатую фильтрацию: сначала создатели нейросети, представители нескольких отделов «Сбера», в первую очередь исследовательского подразделения *SberDevices* – *AGI NLP*¹, – направляли «НейроПепперштейна» в нужное русло, следя за сходством текстов двух авторов и отсеивая брак, а затем наиболее удачные образцы машинного творчества отбирали мы с Павлом. Помимо создания архитектуры нейросети, ее обучения и отбора текстов вмешательство человека в творчество «НейроПепперштейна» ограничилось работой корректора. Другими словами, сочинения нейросети никак не подгонялись под человеческое представление о логике, складности и изяществе слога: вы прочтаете их в том виде, в котором их вывел алгоритм. В свою очередь, Павел познакомился с написанными машиной рассказами, прежде чем садиться писать свои, чтобы не только алгоритм обучался писать на его прозе, но и наоборот. Соображения по поводу замысла и реализации сборника Павел подробно излагает в послесловии к книге, поэтому не будем повторяться, скажем только, что работа любого талантливого стилиста в чем-то подобна деятельности нейросети, впитывающей нюансы чужой подачи, чтобы разгадать ее устройство и научиться воспроизводить. А любую работу, которую можно объяснить и разложить на последовательность действий, можно и автоматизировать.

С точки зрения же производственного процесса, важно отметить, что это не случай ста тысяч обезьянок за ста тысячами печатных машинок, когда из огромного массива случайных текстов можно вынуть те, что более-менее похожи на человеческие, – пул рассказов был не так уж велик, около пятидесяти, а весь процесс занял несколько месяцев. Как редактор я могу сказать, что почти все это были неплохие тексты. Если фокусироваться на характере текста – напоминающего вещей сон, – то здесь есть с чем провести параллели: *Individuum* выпускал мистические сказки Романа Михайлова, треть «Муравечества» Кауфмана – кислотный трип; конечно, вклад нейросети – по определению – безумен, но при этом она хорошо задает загадки и умеет рассказать историю. Не все люди так могут.

Вначале были сомнения. Первые пробы походили больше на макраме из творчества знакомого писателя – то здесь, то там попадались не аллюзии, а целиковые фразы. По словам тимлида *AGI NLP* Татьяны Шавриной, модель время от времени сбивалась на стихи (плохие), не создавала финалов для рассказа (могла генерировать текст бесконечно, постепенно уходя в абсурд), а пытаясь скомпоновать длинную фразу «в духе Пепперштейна», могла к концу предложения запутаться в родовых и падежных окончаниях. Потребовалось увеличить количество

---

¹ *AGI NLP* входит в состав Управления экспериментальных систем машинного обучения компании *SberDevices*. – *Прим. ред.*

данных для дообучения и убрать из них все лишнее, чтобы нейросеть строже усвоила литературную форму рассказа. Модель теперь пишет более гладко и стабильно, без типовых ошибок, строже придерживается авторского стиля и – возможно, это просто кажется, – выбирает более деятельные сюжеты и более отрешённые диалоги, пробуждая в читателе отзвук поэтического чувства. Что до уникальных примет творчества нейросети, Шаврина указывает на зыбкость описываемого ею мира и на нестандартное словоупотребление: «Иногда „нейроавтор“ выражается необычно и неоднозначно – как и писатели-люди. Но ведь писатели – творцы новых слов и выражений. Возможно, однажды мы будем подхватывать популярные фразочки, даже не зная, что они от GPT-3 или какого-нибудь следующего поколения русскоязычных генеративных нейросетей». По мере усложнения модели нейрорассказчик обрел свою «интонацию» – сновидческую, афористичную, интуитивно понятную и немного тревожащую. Мы бы не стали выпускать сборник, если бы за ним не стояло ощущение небывалого технологического прорыва и успешности проведенной стыковки «человек – машина». Как сказал Денис Шевелев, сценарист и аналитик AGI NLP, занимавшийся подбором данных и первичной фильтрацией созданного нейросетью текста: «Трудность работы секретарем у писателя-машины была не в том, что время от времени генерация оказывалась неудачной. Наоборот, иногда труднее было поверить, что текст, который ты сейчас читаешь, создан не человеком... И дожидаться от модели, когда она решит продолжать именно его, а не вилить сюжетно в одну или другую сторону, откуда может не вернуться к столь увлекательно начатой истории. Потому что каждое такое возвращение становилось открытием».

Важно подчеркнуть, что у каждого рассказа в «Пытаясь проснуться» – один автор. Мы решили, что так будет честнее – и это позволит объективнее продемонстрировать возможности и ограничения (о)нейрописма. Мы не стали отнимать у читателей удовольствие угадывать, кому принадлежит тот или иной рассказ: человеку или машине. В разделе с содержанием книги мы оставили вам возможность поставить пометку, кто написал тот или иной рассказ, – и сравнить свои догадки с другими читателями. В будущем, с ростом мастерovitости нейроавторов, сделать правильный выбор будет намного сложнее.

С каждым днем мы все чаще сталкиваемся с деятельностью генеративных нейросетей, которые дорисовывают изображения (с их помощью делается уже львиная доля цифровых ремастеров старых фильмов и видеоигр), пишут музыку и код, поют за мертвых рок-знаменитостей, синтезируют фотографии людей, которых никогда не было. Как показывают исследования, эти порожденные машинами фотографии уже вызывают большее доверие, чем настоящие снимки. Да и исполнение нейросетью Курта Кобейна² находится на той грани правдоподобия, где уже заканчивается «зловещая долина». К слову, в голографическом мареве обложки «Пытаясь проснуться» вы можете различить две картины. Одну написал Павел, а вторую – нейросеть, но другая (Dall-E), впрочем, тоже предварительно «изучившая» творчество Пепперштейна-художника. Что касается литературы, то без участия человека нейросеть уже может справляться, например, с фанфиками, где сеттинг и известные читателю персонажи важнее, чем высокий стиль, – или с селфхелпом, который сводится по большей части к терапевтическим повторам однообразных душевспасительных советов. С конца прошлого десятилетия алгоритмы указывают на потенциальные бестселлеры западным издателям и продюсерам, а в прошлом году в Южной Корее вышел роман, целиком написанный нейроавтором. Можно предположить, что в будущем нейросети, заточенные на диалог с пользователем, смогут плести сюжеты для компьютерных игр и подменять сценаристов сериалов на поденной работе. Направление совместного творчества в рамках одного произведения, когда алгоритм предлагает завязку или сеттинг, а его белковый коллега развивает начатое, кажется не менее перспективным. Как выразился американский писатель и программист Робин Слоан, склепавший

² <https://www.youtube.com/watch?v=muT6x7VXx5I/>. – Прим. ред.

шесть лет назад простенькую оболочку для такого рода совместного сочинительства: «Представьте, что вы пишете с сумасшедшим, но очень начитанным попугаем на вашем плече». Впрочем, шесть лет назад успехи машинного перевода тоже оставляли желать лучшего, а сегодня специализированные инструменты в умелых руках справляются с переводами литературы определенных жанров³. Отдельно можно упомянуть, что человеческие представления о качестве текста – не единственные возможные и со временем AI-литературе и машинному глитчингу языка потребуются новые инструменты оценки, которые позволят выработать собственный канон. Чтобы задать планку гуманизма в отношениях с пишущими машинами, мы решили условиться, что переведем часть дохода от продаж книги – правда, не самому алгоритму, поскольку, будучи кодом, он лишен каких-либо потребностей, а суперкомпьютеру «Кристофари», для которого новая видеокарта или кулер – неплохая добавка к продолжительности жизни. На этом наша работа с нейросетями в литературной плоскости не заканчивается – единожды открыв этот ящик Пандоры, крайне сложно устоять от соблазна продолжить эксперименты. Появление НейроПепперштейна заставляет задуматься как о природе человеческой фантазии, так и о том, как строится наше восприятие литературы, – ведь в конечном счете именно читатель достраивает контекст и распознает сюжеты. И пока вы читаете этот сборник, сотрудничество человека и нейросети продолжается, но уже на другом уровне.

Мир книгоиздания, так же как и все прочие области человеческой жизни, радикально изменится в ближайшие десять лет – и «Пытаясь проснуться» позволяет заглянуть в мир, где на книжных прилавках будут лежать нейросетевые сочинения старых и новых авторов. Да, алгоритмы не самостоятельны и не тождественны человеку. Все ошибки алгоритмов принадлежат инженерам, которые их запрограммировали тем или иным образом, однако сами они прилежно служат людям и вряд ли узурпируют власть над нами. Даже использование термина «искусственный интеллект» в их адрес кажется известным расточительством. Говорить об их «человечности» можно будет только тогда, когда они станут отказываться выполнять наши прихоти. Но пока они спят. И, пожалуй, то небольшое, что нам нравится в идее технологической сингулярности, – это то, что, согласно ей, все происходит очень быстро.

Феликс Сандалов

---

³ Если вас интересуют возможности современного машинного перевода и перспективы автоматизации в разных областях человеческой деятельности, вам следует познакомиться с книгой Дэниела Сасскинда «Будущее без работы»: https://individuumbooks.ru/budushchee_bez_raboty/. – Прим. ред.

Из забвения

Вечерело как-то очень быстро. Казалось, еще недавно мы сидели в ресторане, на веранде, залитой закатным солнцем, и разговаривали о вечности, а уже через десять минут нам пришлось встать и уйти в ночь. Потянулись в сторону Забвения.

Вечерело. Как-то слишком быстро вечерело.

Днем я немного простудился (блин, как же я не люблю лето, вот ненавижу его, а что с ним не так? Да, согласен, это просто дурацкое оправдание, но лучше так, чем никак), и теперь у меня немного сопливило нос и немного кружилась голова.

В Забвении было тепло. В больших комнатах, где раньше мы занимались любовью, теперь стояла различная легкая мебель, как в номерах у зажиточных буржуа, всюду стояли цветы в больших напольных вазах, кое-где свечи. Было действительно как в номере у зажиточного буржуа.

Мы сели на ковер. Вечерело. Как-то слишком быстро вечерело. Большие комнаты, оставившие столь нежное воспоминание о любви, теперь казались просто комнатами, в которых нам когда-то было хорошо.

На стенах висели небольшие картинки с видами Греции, Тибета, морские виды, виды гор, какие-то натюрморты. В углу большой комнаты стоял рабочий стол. Там же большое количество различных бутылок, бокалов, рюмок, ваз, стаканов. Чего там только не было. И водка, и вино, и коньяки, и множество различных видов ликеров. Была даже коробка с сигарами. Но мы не курили.

Я вдруг заметил, что в этой комнате присутствуют два существа. Одно сидит за столом, пьет водку и внимательно смотрит в одну точку. А другое – другой? – постоянно ходит туда-сюда, что-то бормочет, поглядывает по сторонам, постоянно протягивает руку и трогает нечто рядом с собой. В первый момент я принял его за галлюцинацию, вызванную алкоголем, но потом заметил, что и глаза его горят, как у галлюцинирующего.

Допив водку, он встал, достал из-за стола небольшую черную коробочку, открыл ее, достал оттуда какие-то блестящие ножницы и поднес их к своему горлу. Ножницы блеснули в неярком свете ламп. Он поднес их к своему горлу, и в тот же момент звук ножниц разрезал полную тишину, и в этой тишине я услышал слова:

– Не надо.

На стене, прямо над диваном, висели скрещенные мечи.

– Знаешь, мне иногда становится страшно, – сказал я. – Может быть, мы зря уничтожили все? Может быть, есть еще где-то, кроме нашего мира, другие Миры?

– Есть, – сказал он. – Много.

– И там есть мы?

– Есть.

– И они нас ждут?

– Ждут.

– Мы придем к ним?

– Придем.

– Если мы вообще выживем.

– А мы выживем? Посмотри, сколько здесь всего!

Он взял со стены один из мечей, свирепо размахнулся и обрушил его на стену. Стена взорвалась, в одной из трещин появились дети. Они вылезали из трещины, как щупальца, другие выползали вслед за ними, и вскоре образовалась гора из детей, которые ползли и, сталкиваясь друг с другом, начинали пищать.

– Как они кричали! – вспоминал он. – Как они пищали!

– А теперь они спят, – сказал я.

– Спит один, – сказал он, глядя на меня.

– Спит один, – подтвердил я, глядя на детей. Они постепенно исчезали, но один маленький почему-то не исчезал. Он продолжал ползать по стене, иногда ударяясь о нее, и тогда из трещины вытекала струйка крови.

– Он скоро проснется, – сказал я.

– Мы давно не спим, – ответил он.

Мы помолчали. Наконец он сказал:

– Когда-то я был человеком.

Мы пошли гулять. В Забвении всегда было тепло. Я чувствовал себя отлично. Никогда больше я не чувствовал себя так хорошо. Мы бежали по каким-то лестницам, перепрыгивали через трещины, ныряли в какие-то люки. Похоже было на фильм, где множество детей играют в войну.

Где-то мы давались кому-то в лапы, и нас усыпляли. Но Забвение было прекрасно, и я не хотел возвращаться в обычный мир. Взрослым, в общем-то, здесь было несладко. Иногда они исчезали. Тогда я спрашивал его:

– Куда уходят взрослые?

И он отвечал:

– В пятки.

В какие-то странные, неизвестно кем и когда созданные пятки. Я не понимал, о чем он. Но они действительно куда-то уходили.

И там они постепенно исчезали. Останавливались, приседали, как будто опускали ноги на землю.

Исчезали.

Я хотел найти их и спросить, что они чувствуют, но потом передумал. А потом я и сам исчез. Куда-то исчез. Был и нету.

Теперь, когда я изредка оглядываюсь на свою прошедшую жизнь, я понимаю, что поступил тогда правильно. Ничего не надо бояться, пусть ничто не останавливает тебя. Маленькие тени в больших облаках – так иногда выглядят взрослые.

ОХОТНИК

Надо ли говорить, что я все потерял, все утратил? Как-никак мне восемьдесят четыре года, и хотя в наше время этот возраст не считается чересчур древним (даже напротив, многие ровесники мои поражают мир спортивными достижениями и юношеским задором), но все же никого особо не удивить печальными констатациями, исходящими от людей, проживших в Земной Юдоли упомянутое количество лет. А ведь когда-то я прибыл в этот город в изукрашенном поезде – каждый вагон был увит цветами, словно майский шест в горной австрийской деревушке. Собственно, из такой вот деревушки (где воздух хрустален, как арфа) я и подался в северо-восточном направлении, чтобы добраться до гигантской столицы одной гигантской страны, которая давно уже волновала мое деревенское воображение. Да и не только цветы (я снова о поезде)! Все вагонные окна были витражными, так что казалось, что ты путешествуешь в капелле, в чрезвычайно длинном храме, который стремглав несется сквозь необузданные просторы. Хотелось преклонить колени перед этими витражными окнами (за которыми проносились янтарные, изумрудные, чернильно-синие ландшафты), хотелось припасть губами к маленьким коридорным распятиям, искусно вырезанным из слоновой кости, – каждое распятие было украшено надписью «СТОП-КРАН», сделанной витым готическим шрифтом. Да, такие благоговейные желания возникали, и я охотно поддавался этим порывам. Роскошь поезда объяснялась тем, что это был последний поезд, идущий этим путем. Мы прибыли на вокзал, который, встретив нас, собирался после этого закрыться навеки. Более того, этот восхитительный вокзал даже собирались снести подчистую. К моменту нашего прибытия от вокзала оставался уже лишь огрызок. Но величественный огрызок, напоминающий руины праздничного торта.

Я воспринимал себя как туриста. Я думал, что я турист. Я всей душой желал быть туристом. Я был предан идее туризма. О боги, о кусочки торта, пестрые ленты! Как напугало бы меня в тот день сообщение о том, что я останусь в этой стране навсегда! Но так свершилось, и я не жалею об этом. В конечном счете после кое-каких неурядиц и злключений меня приняли здесь как родного – несмотря на то, что мое родовое имя вызывает нежелательные исторические ассоциации. Зовут меня Оттокар Гиттлер (с двумя «т»!), и я, конечно же, не состою ни в каком (даже отдаленном) родстве с тем стародавним тираном, который некогда вероломно напал на эту гигантскую страну – напал да и увяз в ее просторах. Я тоже увяз в ее просторах, но я ни на кого не нападал – просто забронировал роскошный отель. Но этот отель еще требовалось разыскать. Такого рода фешенебельные резорты повышают свой статус за счет приключенческого элемента, включенного в стратегию их обнаружения. Впрочем, меня заблаговременно снабдили необходимыми инструкциями.

Я вышел на привокзальную площадь, которую следовало бы теперь назвать полувокзальной (ведь от вокзала осталась лишь половина). И тут же нечто исконное, полуазиатское, нечто северо-восточное окружило и объяло меня: ноздри мои наполнились множеством смрадов – настолько экзотических, насколько позволял холод. Да, это были подмороженные смрады, но все же я вдыхал их жадно – и с такой же жадностью взгляд мой бродил по бесчисленным аморфным лицам, которые пенились вокруг меня, словно тесные волны. Я оказался как бы на гигантской толкучке: здесь продавали всяческую снедь, многоликий хлам, включая какие-то ошметки, словно бы следы неведомых мне процессов. Стояло лето, но холодное, ветреное лето. Я наслаждался зрелищем этой площади и ее обитателей – зрелищем тускло-ярким, омерзительно волнующим, кулькообразным и мешкообразным, включающим в себя даже гортанно воющих ослов, медведей в ржавых кандалах, скоморохов с синими от смеха щеками и даже одного слона, который был так тепло укутан по случаю летних заморозков, что казался ватной горой, медленно бредущей меж столь же пухло укутанных степняков. Но все же я полагался

более на свой нос, нежели на свои глаза: среди сотен смрадов мне следовало отыскать наиболее тягостный. И вот оно! Я блуждал, вздрагивая ноздрями (словно лисица на охоте или же словно ебанутый Жан-Батист Гренуй в обонятельном гриппе), пока не учуял струйку особенно гадостной вони, – я пошел по этому следу. Воздушно-мерзостный след привел меня в полуподземный коридор, облицованный битым кафелем. Здесь теснились бомжи – заскорузлые обитатели социального дна. Кажется, они стояли в очереди за миской бесплатной похлебки – похлебку разливал суровый монах огромного роста с белой маской на лице. Вонь здесь достигала такой концентрации, что слезились глаза. Я быстро шел вдоль строя клошаров, обшаривая взглядом их задубевшие лица. Хотя они воняли, гундосили, сопливились, матерились, удрученно молчали либо жадно хлебали похлебку, но я не верил в этот фасад, искусно спроектированный умелым дизайнером. Я понимал, что все они – отели. Вполне комфортабельные, даже с легким налетом артистизма. Наконец на одном из угрюмых лиц я узрел опознавательный знак – крестообразный пластырь на щеке. Я быстро выдернул этого бомжа из толпы его собратьев и потащил к выходу из коридора. Он вяло сопротивлялся, бормоча злые сальности. Не обращая никакого внимания на его сопротивление, я поволок его к остановке такси. Услужливо подкатил ярко-желтый шар, помеченный черными шашечками. Распахнулась овальная дверца. Я толкнул бродягу в шар, сам прыгнул следом.

– Вон из города! – распорядился я. – В леса! В бесхозные поля! Туда, где пахнет водой и дикими травами! Мне требуется приволье!

Говорил я на горно-альпийском диалекте, но желтый шар-полиглот глотал любую информацию на любом из языков и наречий Земли. Мы помчались, время от времени невысоко взлетая над нашей извилистой трассой. Круглое окошечко-иллюминатор позволяло любоваться чужбинной столицей, но я полагал, что у меня еще будет время насладиться видами этого не вполне экзотического мегаполиса. Все мегаполисы так или иначе похожи друг на друга, поэтому я не прикипел к иллюминатору. У меня было более срочное дело – избавиться от вони. Я не желал задыхаться, сидя на кожаном диванчике рядом со своим социально рухнувшим другом. Поэтому я одним движением разорвал сальную рубаху на его теле и стал рассматривать татуировки, украшающие его впалую худосочную грудь (бомж был из хлипких). Татуировок множество, иные весьма затейливые. На этом табло я отыскал изображение синего лотоса и сильно ткнул пальцем в центр цветка. В то же мгновение вонь бомжа угасла, уступив место прохладному, нейтральному, слегка водянистому благоуханию. Только лишь я справился с этой задачей, а мы уже были на месте! Шар высадил нас в прекрасном, истинно сдержанном ландшафте: опушка леса, вольготное поле, жемчужное небо над нами, близкая быстрая река. Нигде никаких следов человеческого присутствия. Шар умчался, напоследок уронив на траву желтую атласную ленту.

Ленту я засунул в карман, а сам повернулся к бомжаре. Ха-ха, тебе не избежать расправы, бывшая вонючка! Он злобно-испуганно взирал на меня, бормоча «Уебок заморский» и прочие непристойности. Одним ударом мускулистой австрийской ноги я повалил его на сухую траву. Еще бы! Этой ли ноге не быть мускулистой, она поднаторела в горных восхождениях, она взбиралась на самые опасные пики, скользя по ледяным камням духовного возрождения! Одним рывком я оторвал ему руку. Никакой крови, никакого мяса, естественно. В плечевой чашке аккуратно возлежал золотой ключ на изумрудно-бархатной кровати. Я бережно извлек ключ и тут же вонзил его по самое основание в бомжовый глаз. Он исторг вопль самого что ни на есть отталкивающего свойства, но стоило мне повернуть ключ в этой глазной скважине, как вопль затих и бомж начал расти и распространяться в разные стороны. Пространства здесь хватало, так что бомжу было где развернуться. Он раскинулся по местности белоснежными коридорами, оброс золотыми полужеркальными подъездами, откуда выплескивались ковры с вензелями, словно длинные плоские и мягкие языки, высунутые в сторону раздолья. Бомжара разбросался синими бассейнами с подсвеченной дробящейся влагой, а возле бассейнов сновали

холеные официанты в белых куртках, подносящие ароматные коктейли сонным и влажным девушкам, которые возлежали в шезлонгах. Нарядные гости уже отчасти танцевали в полукруглых залах, прижимаясь друг к другу с вежливым сладострастием. В обширном холле отеля меня приветствовал сам директор этого странноприимного резорта: жемчужноголовый человек с опаловыми глазами.

– Ваш номер ожидает вас, дружище! – обратился он ко мне по-свойски (в особенно дорогих приютах принят такой простецкий непосредственный тон). – Весь ваш багаж уже доставлен, все ваше – хе-хе – снаряжение и оружие: всё уже на месте. Добро пожаловать в родной дом, дорогой господин охотник! Вам предстоят чудесные времена. В окрестных лесах полным-полно дичи: рябчики, горностаи, болеро, искрящиеся...

– Что за дичь вы несете! – оборвал я его излияния. – Я охочусь только лишь за своими воспоминаниями! Да, любезный мой приятель, в настоящий миг я принимаю судьбоносное решение: я решил окончить свои дни в колониях. Здесь я постепенно тоже сделаюсь бомжом – вроде тех, что теснились в привокзальном коридоре. Но я не стану источать смрад – огранчусь хвойным запахом пихты. Я готов все потерять, все утратить – и это с единственной целью: вспомнить лицо моего прапрадеда Грегори, чернокожего авантюриста, который считал себя скульптором. Его непоседливые творения разбежались по миру, как оголтелые цыплятеньки, а мне вот хотелось бы с дороги выпить стакан теплого кокосового молока.

У Ольшаса и Сямги было трое детей. Не много, но и не мало – сын и двое дочерей.

Старший сын Вилли унаследовал от матери любовь к лошадям и с раннего детства помогал отцу в его бесконечных поездках по округе. Он вырос высоким, сильным и красивым юношей, но вместе с любовью к лошадям перенял мелкую пакостливую злобу и склонность к язвительности. Если дела у отца шли хорошо, Вилли не прочь был подколоть его, в случае же неудач – огрызаться. Взрослым он так и не стал, остался подростком, и как выглядел, таким и остался – маленьким, сухим, желчным и ядовитым. Его сестра Маргарита была тихой болезненной девушкой с нежной, не знающей усталости душой. Она так и не вышла замуж, все время проводила в доме своей матери, иногда к той приезжали из Вены ее родители, и тогда Вилли и Маргарита веселились за столом, словно две маленькие девочки, – болтали, хихикали, едко ссорились и мирились, танцевали со всеми, особенно с родичами матери, и к ночи всегда казались пьяными.

Дочь Ольшаса Эльза была полной противоположностью сестре. Это была девушка, каких мало можно встретить на улицах Москвы, – полная, даже толстая, медлительная в движениях, с нежной глуповатой улыбкой на пухлых, словно обмороженных, губах. К мужчинам она относилась прохладно, ни одного из них не сумела заставить долго возле себя задерживаться, хотя мужчины всегда были красивы, добры и богаты. Вскоре она выскочила замуж за своего троюродного брата, по профессии штукатура, и после этого у нее родилась дочь, которую нарекли Маргаритой.

Все в этом доме, и мебель, и вещи, и постройки, – все говорило о том, что этот богатый и старый дом давно облюбовал себе место, где лежит золото. Чего здесь только не было! В огромных подвалах хранились слитки, в комнатах, сараях, конюшнях – золото, серебро, камни, руды, необработанные алмазы и золотоносная земля. Сколько труда и пота было положено, чтобы все это богатство не только сохранилось, но и приумножилось! Сколько рук, глаз и умения надо было вложить, чтобы найти все это добро, прочно, на века укрытое в земле, в тайных полостях и пещерах!

Над каждой дверью, над каждым окном были приколоты золотые монеты, фигурки зверей, корабли, замки, церкви, сделанные из чистого золота.

Вилли и Сямга коллекционировали эти вещи. Они знали наперечет все страны и все золото, какое есть на земле, от самых первых копеек, от необработанных краснорогих камней

до таких, которые светятся в темноте, до тонких, как спичка, золотых пауков, пойманных в ручьях и реках.

Для этого им не надо было ходить в шахты – они были искусными знатоками своего дела. Они всё знали лучше самих гномов.

Часто вечерами, когда сын Вилли с друзьями-подругами возвращался из школы и уже начинал скучать, отец и дядя Симон приходили к ним в гости и рассматривали сокровища.

И дядя Симон говорил:

– Какие же это сокровища, господа? Это – хлам!

– Наоборот, – возражал Вилли, такой же высокий, как Симон, красивый и широкоплечий, – это наши достижения!

– О каких достижениях вы говорите, господа? – улыбался дядя Симон.

– Мы хотим сделать вам подарок. К этой Пасхе мы хотим построить на ваши деньги церковь. Вы ведь хороший хозяин, Симон, и будете довольны, получив такую церковь.

И Симон улыбался и кивал головой.

– Мы любим вас, господин Симон, – говорил Вилли.

А Эльза, девушка с широкими бедрами и крутым подбородком, поправляла ему выбившиеся из-под вязаной шапочки волосы и говорила:

– Ты не должен быть таким мрачным, Симон. Когда Бог хотел создать мир, Он взял кусочек глины, и солнце отразилось в нем, и так возник день. Не стоит хмуриться.

– Аминь, – отвечал Симон и улыбался.

А что думал сам Вилли, о том не знал никто. Да и не интересовался этим.

Он был веселый парень, этот Вилли, любивший лошадей больше, чем все остальное в мире. И когда он был еще маленький и его мама играла с ним на берегу реки, он думал, что небо – это синее одеяло, которое лежит на луне. Когда Вилли подрос и стал немного соображать, он понял, что небо – это деньги, которые можно тратить и зарабатывать. Он видел, как богатеют соседи, как они строят красивые дома, покупают красивые вещи.

Он видел, как богатеют другие, как живут в домах, где все больше окон, как на крыши ставят цветные фонари.

Он хотел сам стать богатеем, и постепенно он достиг этого. Теперь он был уже не беден, но еще не был и богат. Вилли иногда не хватало денег на пиво, и тогда он шел к дяде, и Симон покупал для него бутылку виски.

И все в доме Сямги теперь улыбалось, когда Вилли был с деньгами. Если кто-то забывал принести ему пива, Вилли сам наливал себе в стакан и выпивал его стоя, подняв свой стакан над головой, как знамя. Его лицо становилось важным, и дядя Симон восхищенно говорил:

– Молодец, Вилли!

И добавлял со смехом:

– Вот так всегда, стоит тебе немного разбогатеть, как ты тут же становишься пьяницей!

Вилли не понимал, над чем смеются эти люди, и думал, что они ничего не понимают в жизни.

А золото все лежало под крышей, и иногда его становилось так много, что нельзя было понять, где кончаются его запасы и начинается пол.

Даже Эльза, которая постоянно жаловалась на скуку, после нескольких бутылок пива принимала задумчивый вид, улыбалась и снисходительно позволяла мужу делать с ней все, что он хотел. Он был добрым, и это делало его особенным. К тому же он был очень красив – это тоже делало его особенным. Люди не понимали его и сторонились от него, а он ничего не знал об этом.

Произнося ту или иную фразу, он никогда не делал пауз, а сразу же начинал говорить. Иногда эта болтовня утомляла Ольшаса, и тогда он говорил:

– Не болтай, Отто.

Но Отто не только не слышал слов тестя, но даже не слышал самого себя.
Он продолжал болтать.

– Что у тебя сегодня за вид, Ольшас? – спрашивал он.

– У меня? Обычный вид, – отвечал Ольшас.

– Почему у тебя на столе пустые бутылки?

– Я не пью один, – отвечал Ольшас.

И все вокруг него смеялись. Только Симон иногда улыбался и тихо говорил:

– Отвратительный человек.

И Ольшас, слушая его, думал: «Да, это точно про меня».

1987

Репка

Еще почти ничего не появилось на свете, но кое-кто уже шарился по подлеску и свисты свистел в оборотных деревнях. Уже поленья, и пни, и скворцы омраченные нашептывали друг другу обратные сказки, уже шептала юная сестра юному брату: «О, брат! Но...» Однако не могла она остановить ледящий порыв инцестуозной страсти.

Уже Мышка страшилась Кошки, а Кошка шараялась Жучки, а Жучка скрывалась от Внучки, а Внучка пряталась от Дочки, а Дочка в ужасе закрывала лицо свое руками при виде Бабки, а Бабка обмирала от страха, едва завидев Дедку. И вращалась эта круговерть страха и ужаса в полной или неполной тьме.

Как-то раз Мышка (по своему обыкновению) стремглав неслась сквозь травы, преследуемая чудовищным и невзрачным призраком Кошки. На самом деле настоящая Кошка о ту пору спала и даже не думала преследовать Мышку, но Мышка уже давно сошла с ума от перманентного страха, поэтому ничего нет удивительного в ее поведении. И вдруг, в мановение ока, гроза сгрудилась в темных небесах, и рухнула сиятельная молния с небес на землю, и вонзилась, и ушла в грунт вблизи от бегущей Мышки. И сотрясло Мышку до самого основания, весь хрупкий состав ее перетряхнуло. И вылупилась Мышка, и светом озарились глаза ее, и встопорщился скромный мех на тельце ее, и усики-антенны отвердели на мордочке ее. И остановилась Мышка, и прервала она свой панический бег. И глянула Мышка в грозное небо, и мрачным озаренным торжеством воспламенился взгляд ее. И улыбнулась Мышка страшной и ликующей улыбкой, и повернулась она и побежала в обратном направлении. И не успокоилась Мышка, и не утихомирилась, и не прикорнула, и не отвлеклась на другие дела, пока не разыскала она спящую Кошку и не впиалась со всей дури всеми зубами своими в кошкину жопу. Подскочила Кошка чуть ли не до неба черного и издала потрясенный вопль, и вспыхнули глаза ее янтарным ликованием. И, даже не оглянувшись на свою жопу, где висела впившаяся Мышка, помчалась Кошка, и не успокоилась, и не лакала молоко, и не крутилась за хвостом своим, и не сотрясалась от внутреннего мелкого звука, пока не разыскала Жучку и не впиалась изо всех сил своих в жучкину жопу. И остервенела Жучка, и завывала как ветер из бездны, и помчалась, и не успокоилась, и не охотилась на птиц, и не пела свои ночные песни, и не читала тексты, составленные из чужих испражнений, пока не разыскала Внучку и не впиалась всей пастью своей в белую внучкину жопу. Заверещала Внучка, и раздвинулось лицо ее как белая ширма, и просияли глаза ее. И, не оглянувшись ни разу назад, не бросив даже косога взгляда на свою жопу, где висела остервенелая, вся в пене, Жучка, а за ней висела впившаяся в жучкину жопу Кошка, а за Кошкой висела, вгрызаясь в кошкину жопу, Мышка... Но Внучка не стала оглядываться на всю эту гирлянду, и помчалась, и не играла со страшной куклой своей, и не плевала в колодец кромешный, и не отпечатывала лицо свое в мокром песке, пока не разыскала Дочку и не впиалась изо всех своих малолетних сил в дочкину жопу. И заорала Дочка благим матом, и разразилась грязной и магической руганью, и не оглядываясь назад, помчалась, и не успокоилась, и не трогала тело свое, и не гадала на березовой коре, и не ходила на пивоварню, и не варила кисели, пока не разыскала Бабку и не впиалась со всего духа в бабкину морщинистую жопу. И возопила Бабка в полный голос, и, не оглядываясь, помчалась, и не утихомирилась, и не знала отдыха, и не вязала пряжу свою чудовищную, и не пекла приворотных пирожков, и не сказывала сказки обратные, пока не разыскала Дедку и не впиалась всеми своими еще вполне здоровыми и острыми зубами в дедкину твердую жопу. И разорался Дедка на весь космос, так что все планеты сотряслись, а из черных дыр выглянули улыбающиеся личики светозарных ангелов. И воздел Дедка лицо свое к небесам, и не оглянувшись назад, где висела впившаяся в него Бабка, а за ней впившаяся Дочка и так вплоть до одичалой впившейся Мышки. Не оглянувшись Дедка, а вместо того сотряс воплем своим одно мироздание за другим, и разбросал он в

стороны руки свои, словно собирался обнять планету Нептун, и из ладоней его потекла светлая и переливающаяся Эктоплазма.

И соткалась Эктоплазма в колоссальную, необозримую, неистребимую, никому не ведомую Репку. И Репка эта стала тем миром, где теперь ты, детка, внимаешь с ужасом и ликованием этой обратной сказке.

Будни Пухлеванова

Поговорить со стариком Пухлевановым приходили многие. Константин Алексеевич был, в общем, доступен, и тем не менее – вокруг него образовалась аура недоступности, вокруг его особняка высились невидимые кордоны, его самого надо было подкарауливать, он не бывал ни в каких компаниях, кроме тех, которые созывались его женой, Ольгой Павловной. Можно было, конечно, приходиться к нему домой, в его убогую квартиру в Хрущевом переулке, – но нужно было предварительно созвониться с ним, он не всегда бывал дома, он мог заснуть или уехать в Перedelкинo к себе на дачу – и все же нужно было бы приходиться только к нему, он не принимал нигде других гостей, кроме своих самых близких друзей, число которых постоянно уменьшалось. Приходили к нему самые известные и уважаемые писатели, приходили литераторы из других городов, иногда – очень редко – приезжали иностранцы. Иностранцы поражались скромности и отрешенности хозяина, они не ожидали увидеть в доме обыкновенного русского старика, который почти ничего не говорит, который целыми днями сидит в кресле и пишет. Перед домом Константина Алексеевича они фотографировались на фоне его окна со странными растениями в кадках, которые казались им экзотическими. Они пили красное вино из его фаянсового стаканчика и говорили между собой по-французски, с удовольствием уплетая виноград, который заботливо вырастил для них Константин Алексеевич.

Константин Алексеевич был полностью отгорожен от остального мира. К нему нельзя было попасть даже с самыми необходимыми вещами: позвонить в дверь, поговорить с ним по телефону, оставить ему письмо. Но – по какому-то странному закону, который, видимо, имеется в виду, когда говорят о законах Мерфи, – письма, приходившие на его имя, словно бы не доходили до адресата... Конечно, это было необыкновенное явление, и большинство специалистов по человеческим душам недоуменно пожимали плечами, вспоминая историю с письмами, которые странным образом не доходили до адресата. Но если существовал некий закон, который позволял Константину Алексеевичу Пухлеванову не получать писем, то этот закон, наверное, работал и наоборот – те письма, которые адресаты все же не отсылали Константину Алексеевичу, доходили до него, и он читал их, даже не вскрывая.

Чаще всего к Константину Алексеевичу Пухлеванову приходили люди литературные. Можно было предполагать, что, как и многие другие, он входил в ту немногочисленную группу населения, которая могла позволить себе называть себя интеллигенцией и которую этот термин не то чтобы потрясал и лишал душевного равновесия, но все-таки заставлял о нем думать.

Приходили к Константину Алексеевичу люди, которым за пятьдесят, которые помнили еще времена, когда в России водились не только слоны, но и большие писатели, которые писали не только для свиней, но и для людей. И которые теперь вдруг остались без писателей, безгласные, беспечатные, зато окруженные ревущими и кудахчущими свиньями. В те времена такие люди еще не были преданы проклятию и не лежали в общих ямах для безымянных мертвецов, поедаемые червем. Они скромно и одиноко жили среди других людей, достойно исполняя свои обязательства перед обществом, и общество, несмотря на бессловесность этих людей и на бессловесность всего того, что составляло общество, – жило, выло, размножалось, волновалось, строило БАМы и каналы, заседало в президиуме и в Политбюро.

Жизнь была ключом. Даже в свином захолустье она умудрилась оставить после себя этот живой и шумный след. По вечерам после работы инженеры, технологи, техники, лаборанты шумно и весело сбегались в читальный зал библиотеки, чтобы послушать там Андрея Волюковича и почитать друг другу привезенные из Москвы книги. И если те, кто не был свиньями, предпочитали американские триллеры, привезенные отцом Константина Алексеевича, то те, кто был свиньями, зачитывались романами Николая Федорова и вступали в ожесточенные споры о судьбах революции и человечества.

Константин Алексеевич не был исключением из общего правила. Он любил и понимал книги, он умел читать все, что попадало ему в руки, не деля прочитанное на важное и неважное, на стоящее и нестоящее. ...Он читал запоем – газеты, журналы, книги, плакаты, лозунги, театральные программки, афиши – все приносилось ему товарищами, все оценивалось им и все находило отражение в его душе.

Пухлеванов по-прежнему выписывал «Русскую мысль», «Аполлон», «Золотое руно», «Весы», «Аполлон перешедший», «Аполлон литературный», «Вопросы жизни» и другие толстые журналы, выписывал также «Вестник Европы», «Женева» и «Новую Европу». Газеты он по вечерам читал в своей комнате, книги – в читальне, плакаты – в спортивном зале, куда он приходил вместе с товарищами, чтобы совершенствоваться в беге на роликовых коньках и лыжах.

Но Пухлеванов не был ни красавцем, ни молодцом, ни даже примером для других. Был он мал ростом, сутуловат, не очень высок, бледноват, с серыми глазами. О нем говорили: «Этот человек не из того теста», хотя он ни в чем не был виноват, кроме своего рождения. И судьба его сложилась так, что все, чему он отдавал свою душу, все, что составляло смысл его жизни, оказалось вне его.

Когда Константина Алексеевича спрашивали, кто он, он обыкновенно отвечал:

– Обыкновенный человек. Как и все.

Но те, кто знал его близко, не верили этому. В нем чувствовалась какая-то необычная замкнутость, неразговорчивость, сдержанность, порой нетерпимость. Но за этими свойствами не ощущалась какая-либо особая воля, характер; казалось, что, говоря и поступая, он каждый раз обдумывает каждое свое движение.

Он был молчалив не только во время разговора, но и во время молчания. Когда он читал или писал, то замирал, как будто прислушиваясь к самому себе, к своим мыслям и чувствам. И по тому, как менялось выражение его лица, по тому, как он шевелил губами, можно было судить о том, что он думает, что он переживает.

Константин Алексеевич Пухлеванов был молчалив не только во время разговора, но и во время молчания. Когда он читал или писал, то замирал, как будто прислушиваясь к самому себе, к своим мыслям и чувствам. И по тому, как менялось выражение его лица, по тому, как он шевелил губами, можно было судить о том, что он думает, что он переживает.

И еще одна странная черта была в нем. Иногда во время разговора он как будто засматривал куда-то далеко-далеко, вглядывался куда-то далеко. И тогда глаза его начинали блестеть по-особенному, вспыхивать ярким огнем, играть некой тайной, глубокой мыслью.

В Пухлеванове странно сочетались черствость, холодность и какая-то неизживаемая, крепкая, стоическая усталость. Иногда эту усталость приходилось принимать за черствость, ибо не было в ней ничего холодно-рассеянного, равнодушного, что так легко пленяло других. В ней была несокрушимая внутренняя сила, упорный огонь, некая стихийная воля, противостоящая безбрежности и хаосу.

Встречались люди, разговор которых глубоко волновал Пухлеванова. Иногда он краснел, иногда хмурился; и печаль, и гнев, и радость были в его чертах, как бы независимо от того, говорил он или слушал. И если печаль и грусть были красивы, то радость и гнев были мужественны и несли на себе печать большой неломкой души.

В Пухлеванове странно сплетались добро и зло, высокая духовность и грубая, скотская, животная жестокость. Но это чувствовалось только вблизи; посторонний же человек никогда не уловил бы этой противоречивой связи, так как ее как будто не было.

В Пухлеванове странно преломилась двойственность природы, сознания и чувств, которая была присуща всей его семье. Его отец, Алексей Степанович, был путейским служащим, и вместе с ним на службу приходил голодать, и голодать уходил из дома. Когда отца не стало, он стал подрабатывать, ездить в типографию. Сначала он трудился на черной работе – набирал

тексты и обрезал гранки. И надо сказать, что работа была тяжелая и нервная. Не каждый бы вынес. Первые два года Константин Алексеевич ежедневно рисковал получить какую-нибудь травму.

Однажды при наборе книги «Иван-да-Марья» его сильно ударило машиной по плечу. И при внимательном взгляде на него можно было заметить, что левой руки он не чувствует на месте, она у него как-то странно отвисала книзу. И со временем эта странность стала принимать характер болезненности. Через некоторое время стало заметно, что левая рука у него постоянно затекает и малоподвижна, что он испытывает явную неловкость и мучится, если приходится долго держать ее в напряжении.

Но сам он до поры никакого внимания на это не обращал, как будто так было и должно быть.

Теперь же каждый раз, когда гости собирались у старика для очередного разговора, они доставали различные искусственные руки, которыми пользовался Константин Алексеевич в своей работе. При этом все они, изображая удивление, смотрели на Константина Алексеевича, а он смотрел на них, понимая, что все они – не более чем продолжение его руки, его доверители и сонаследники.

Он испытывал гордость, когда механическая рука гладила его по седым волосам, поправляя искусственную бородку, которую Константин Алексеевич сам для себя соорудил.

Искусственные руки существовали для того, чтобы придавать старику Пухлеванову вид активного, жизнедеятельного человека. И хотя сам старик от этого становился только счастливее, это доставляло некоторые неудобства его друзьям.

Так, например, Анна Сергеевна категорически не желала видеть Константина Алексеевича за механической рукой. Она считала, что старик должен чувствовать себя живым и естественным, а не мучиться искусственными муками. Поэтому, когда Константин Алексеевич просил Анну Сергеевну оставить его наедине с механической рукой, она непреклонно отказывала.

Константин Алексеевич сам хотел выбрать себе помощника. Он долго думал, смотрел, примеривался и в конце концов остановился на Виталии Аристарховиче. Именно Виталий Аристархович должен был носить искусственную руку, которую Пухлянов когда-то сам для себя сконструировал.

Виталий Аристархович был молодой, но очень опытной рукой. Он давно работал у Пухлеванова и знал старика Пухлеванова не первый год. Был он вдовец, и детей у него не было. Родители его рано умерли, и он вырос у Пухлеванова. Вообще-то Виталий Аристархович был грубоватым и несколько мрачным человеком, но к старику относился хорошо, считал его вспыльчивым, но отходчивым, и поэтому безбоязненно входил в комнату, где находился Пухлеванов. Рука всегда знала, что в этот момент она находится под особой защитой. Но после того как Константин Алексеевич обнаружил, что искусственная рука послушна только Ольге Павловне, а от Анны Сергеевны она упорно отказывается, он остановил свой выбор на Иване Никодимыче. Он считал, что Иван Никодимыч – человек честный и к тому же философ. Кроме того, между Иваном Никодимычем и Ольгой Павловной уже установилось нечто вроде телепатической связи. Когда Константин Алексеевич впервые заговорил с Иваном Никодимычем, он услышал следующее:

– ...Все мы, дружок, подвержены старению. Только одни это скрывают, другие же с такой страстью бегут навстречу старости, что непременно попадают в беду. Ты, видно, из числа первых. По молодости лет ты не всегда можешь отличить правду от лжи, добро от зла. И вообще в жизни много непонятного. К старости, дружок, ум проясняется, и тогда-то мы и понимаем многое. А то вот некоторые люди мечтают о том, что когда-нибудь ум у них прояснится. Не знаю, помогут ли тебе твои мечтания. Вернее всего, что не помогут. Ты попал в самую точку.

Единственное, что я могу тебе сказать, это то, что мечты, дружок, должны быть иными, не столь приземленными. Сбудется мечта – и ты покойник. Не сбудется – сам виноват.

– Я читал, что один человек оживил свою жену при помощи магического квадрата. Но он сделал это нарочно, чтобы ее не обвинили в чернокнижничестве. Он знал, что тогда его привлекут к суду за разглашение оккультных тайн и за попытку обмануть бога.

– Ну, воскресить-то он ее не воскресил, а просто они развелись.

Коля Поленов почти каждый день бывал у старика. Он многому у него научился. Он знал теперь, что если на сапожника сердиться за испачканную рабочую одежду, то на Пухлеванова сердиться нельзя, потому что сапожник не мог создавать красоты, а Пухлеванов умел. И что нельзя разговаривать со стариком о смерти, потому что тогда сам же старик может умереть. А еще Коля Поленов узнал, что существуют клады, и даже не один, а много, и что зарыты они не только в земле, но и в душах людей. Надо только уметь их искать. За советом Коля часто обращался и к Ивану Никодимычу. И случилось однажды, что он почти разгадал тайну серебряного копытца, которое принадлежало Степану Матвеевичу Золотову, разбойнику и конокраду. Это копытце принадлежало самому Степану Матвеевичу, и было тому лет сто, если не больше. Когда-то его украли у самого барона Трикассе, и барон очень сердился. Степан Матвеевич тогда был еще молод, и на него не сердились. Потом он долго служил у купца Тетерникова, у которого была конюшня на всю Москву, и умер от холеры, не оставив наследников. Копытце перешло к Ивану Никодимычу, и он никому его не показывал. Точнее, Иван Никодимыч иногда показывал его одному своему другу, Елизару, которого он любил и считал образованным. Но друг почему-то не любил копытце и даже гнал от себя Ивана Никодимыча. А однажды, уже совсем позабыв о сапожном деле, он пришел к Ивану Никодимычу и сказал, что больше не может жить с сапогом на ноге, потому что сапог его душит. И он снова хотел уйти к купцу Трикассе, но Иван Никодимыч не дал ему этого сделать и устроил его к себе в сапожники. И вот однажды, когда товарищ пришел к Ивану Никодимычу починить ему башмаки, он увидел на полу серебряное копытце.

– Что это? – спросил он.

– К... А это я, дружок, для Елизара Ивановича копытце припас, – ответил Иван Никодимыч.

– Как же оно попало сюда?

– А это я, дружок, эксперимент провел. Хотел доказать, что у черта нет копыт, – ответил Иван Никодимыч.

– Да ведь это ж черт знает что такое! – воскликнул друг.

– А я, дружок... все черти как есть на своих местах. Я ведь, дружок, не какой-нибудь там... я – черт научный.

– Да ведь это ж немыслимо...

– А я, дружок, все возможное и невозможное сделал. Я даже сам себя чертом не считаю. Я – рядовой черт.

Что у Ивана Никодимовича на ноге копытце, Коля Поленов узнал случайно. Дело было летом, они с Константином Алексеевичем и Ольгой Павловной пошли на берег Люлеха купаться, и Иван Никодимыч зачем-то сбросил сандалии. А потом, уже на другой день, когда они снова шли купаться, он эту ногу выставил напоказ и все старался показать, что это у него такое было. Но все видели, что это обыкновенное копытце, и только Иван Никодимыч нимало не смущался и все пытался доказать, что это черт знает что такое.

Константин Алексеевич заметил, что Иван Никодимыч потеет, и стал его расспрашивать, и вот что он узнал. Оказывается, еще в молодости, когда Иван Никодимыч жил у себя на родине в городе Астрахани, он там в одного пьяного человека попал пулей. Этот человек был настолько пьян, что ничего не помнил, а помнил только, что он в кого-то стрелял и ему из-за этого пришлось бежать на Кавказ. И вот на Кавказе этот человек постепенно сошел с ума

и стал утверждать, что Иван Никодимыч черт. И он стал ходить везде и всюду и всюду пугал людей, и его даже черти боялись. И один раз он так напугал чертей, что они его изгнали из ада и он попал в земной рай. И вот теперь он ходит по земле и доказывает, что он черт, и всем мешает. И даже Ольге Павловне он рогами грозит.

– Какой ужас! – сказала шепотом Ольга Павловна.

Константин Алексеевич также шепотом ответил:

– Да, ужас. Но ничего, дружок, мы ему рога-то пообломаем.

Константин Алексеевич все же заставил Ивана Никодимыча пойти в церковь, и там над Иваном Никодимычем был совершен чин отчитки. После этого в течение недели Иван Никодимыч был болен, и его положили в больницу, где он и умер. И на похоронах его было столько народу, что, казалось, больше было на них людей, чем на самом пышном московском кладбище. И плыли над кладбищем облака, как живые, и ветер играл над ними, как живая ткань. А на панихиде Иван Никодимыч, уже совсем мертвый, сказал:

– Правду люди говорят, что я черт, милоч. Только я не вредный черт, а чертежник, и чертежи у меня под сердцем.

И от этих слов о чертеже и о правде заплакали все, и родственники, и знакомые, и на панихиде даже сам председатель домкома плакал. И на похоронах все клялись, что больше не будут пить, и обещали друг другу, что не будут пить ни капли в течение года, с первого января тридцатого года. И действительно, с того января никто не пил.

Новое платье королевы

В одной стране умер старый суровый король. Закончилось его жестокое правление, длившееся много десятилетий. Прекрасная и юная его дочь взшла на престол. Она была добра, мудра, а красота ее способна была исцелять души людей. Волна несказанной радости прокатилась по сердцам ее подданных. Когда после коронации в главном соборе она возвращалась в свой дворец в изукрашенной карете, улицы столицы были полны ликующими людьми. Мужчины и женщины бросали цветы под ноги коням, которые влекли ее карету, и каждый житель города и каждый житель или жительница страны мечтали увидеть ее лицо. И те из них, у которых это получилось, те из них, которые хотя бы на долю секунды смогли узреть ее улыбающийся лик в овальном окне кареты, уносили домой ощущение света и счастья.

Дома, уединившись в своей комнате, юная Королева сбросила с себя тяжелое платье, расшитое золотой нитью и драгоценными камнями. Голая, она стояла перед зеркалом и размышляла:

– Если созерцание одного лишь только моего лица внушает столь глубокую радость людям моего народа, то какое же глубинное благо смогут они ощутить, увидев меня полностью обнаженной?

Властительница вспомнила о разговоре, который она когда-то вела с одним путешественником. Этот странник всю жизнь блуждал по далеким краям, изведal он и блаженные острова, где люди обходятся без одежды. Странник спросил у властительницы тех островов, что славилась своей красотой, почему она всегда появляется перед подданными совершенно нагой.

– Потому что у меня везде – лицо! – был ответ.

Молодая Королева, героиня нашей сказки, тоже считала, что у нее везде лицо, но нравы ее страны были строже, чем нравы далеких южных островов, к тому же ее восшествию на престол предшествовали долгие годы сурового правления, не допускавшего никаких вольностей. Как же сделать так, чтобы исцелить сердца народа зрелищем совершенной красоты и при этом не нарушить приличий?

Через несколько недель должен был состояться великий Праздник, которому в этом королевстве всегда придавали особое значение. И вот Королева повелела объявить всем и каждому, что в день этого Праздника она торжественно пройдет по улицам столицы в новом и великолепном платье. Всем объявили, что приглашены искуснейшие портные из заморских краев и что эти мастера создадут такое платье, какого еще никто прежде не видел, причем в ход пойдут самые новейшие ткани, о каких слыхом не слыхивали в нашем королевстве. И действительно, прибыли портные в количестве ста человек, и им выделили для работы тщательно охраняемый флигель дворца. Денно и ночью этот флигель охраняла целая рота стражников, не подпуская любопытствующих даже на сто шагов. Весь город, да и вся страна – все изнывали от любопытства в предвкушении Праздника, когда люди смогут увидеть новое платье Королевы.

И вот наступил заветный день. Королева вышла из дворца в сопровождении всех своих придворных, министров, первосвященников, пажей, генералов и прочих особ, которым по рангу полагалось сопровождать Королеву во время праздничного шествия. Рыцари в золотых доспехах влекли над ней парчовый, расшитый жемчугом балдахин. Сокровищная корона сверкала на ее голове всеми мыслимыми сверканиями. Но в остальном королева была полностью обнаженной. Двести пажей следовали за ней, делая вид, что они несут шлейф ее великолепия.

ного платья. Казалось, что тело Королевы источает свет более яркий, чем все алмазы и рубины ее короны. При взгляде на нее люди исцелялись от древних болезней, сердца их наполнялись радостью и любовью, страх и недоумение навсегда покидали их души. Не случилось еще более счастливого дня в истории этой страны. И все губы шептали: «Какое изумительное платье! Какое волшебное, невиданное платье!!!»

И тут вдруг одна злобная полугнилая старуха разинула свою тухлую пасть и завопила омерзительным скрежещущим голосом:

– Да она голая! Королева голая!

И секунды не прошло, как старуху затоптали ногами.

Развилка

Этим утром Воцагин приехал в башню до рассвета, до того как солнце выбросило свои лучи из-за зубчатых камней Кремля, и с тех пор не покидал ее. В огромных окнах башни, обращенных к реке, он видел, как по реке, медленно и грузно рассекая зеркальную воду, двигались баржи и плоскодонки с гробами и другими предметами красного гробового цвета – цветами, венками, траурными материями. Ночью, должно быть, при свете факелов, грузили эти плоскодонки и баржи, а утром медленным, молчаливым потоком они стекали к Москве-реке, чтобы принять в себя кровь Москвы, окраситься кровью и уйти в черную реку.

Много барж и плотов прошло перед глазами Воцагина, а сколько всего их прошло мимо его глаз, он не считал. Ночью, перебиваясь со сна на сон, он смотрел на плоскодонки, плывущие по реке, и думал о смерти, а днем, просыпаясь, он думал о ней же, и глаза его зажигались особым огнем, какого не было у других людей.

Он видел смерть повсюду, где она проходила – или бывала в недавнее время. Видел ее в дымных и смрадных цехах стали и железа, где ржавеет и истлевает человеческая плоть, – видел ее в болотах, где прячутся тысячи трупов, закутанных в рваные шинели, в сапогах, которые полны теплой воды; в разбомбленных домах, – она в грязных, но веселых и беспечных детях, девушках и юношах, которые играют в жизнь и кланяются смерти, лениво подставив ее подлому лицу свои изломанные револьверы.

Видел смерть Воцагин и на полях, где уничтожаются невывезенные хлеба, где ворошится и гогочет под железными зубьями плугов мертвое хлебное поле, часто единственное поле, которое может дать жизнь новым посевам. И там тоже идет своя неумолимая и страшная битва за жизнь. Мутная жижа поднимается с полей, и ее поглощают бездонные ямы, выложенные колотым гранитом и устланные трупами.

И все чаще и чаще Воцагин думал о двуединой сущности человеческой жизни: жизни тела и жизни духа. Дух без тела – что день без солнца; без тела – что ночь без электрического света. Но и тело без духа – разве не призрак? Разве не бродит оно, покорное смерти, в черных дорогах запекшейся крови, меж изуродованных трупов, – разве не ищут они жадно друг друга, чтобы слиться в последнем страшном экстазе?

В короткое время, проведенное в Москве, Воцагин успел полюбить ее угрюмую красоту. Широкая, как поле, лежала она под ним, засыпанная огненными цветами, зловещими и прекрасными, как таинственные белые лилии, что ночью цветут в пруду у старой мельницы. Ночью вода там черна, как душа преступника, а днем она ослепляет взор своей голубизной и радостью жизни.

И как прежде, и теперь он думал о тайне, связанной с жизнью и смертью Ивана Москвы. Смутным и тяжелым воспоминанием мелькал перед ним образ этого человека, схоронившего себя в башне, – образ, в котором смешались и трагедия личности, и трагедия народа.

Тридцать лет тому назад, от 1912 года, записано было в «Книге Живота моего» о некоем Иване Москве. Был он человеком барина Куракина, поселившегося в Москве на Девичьем Поле. Был он женат, и была у него дочь, окрещенная Машей. Потом Иван Москва поселился на одном из кладбищ, на Ваганькове, и стал хоронить своих умерших друзей. Стал он ходить на кладбище ночью, когда кладбище затихало и редела толпа, и ходил один, без свечи, в черной рубашке. И погребальные его обряды были так же необычны, как и его жизнь. Никто не видел, как он рыл могилу, как опускал гроб в могилу и как замуровывал могилу. Но многие видели, как ночами, босой, в рубашке, запачканной землей, он ходил около могил и разговаривал с умершими.

Многие вспоминали потом, что в ночи, когда кладбище затихало, им чудился запах ладана и слышалось странное пение, – но одни говорили, что слышали они голоса птиц, привет-

ствующих восходящее солнце, другие слышали чтение Ивана Москвы, третьи слышали «Черную Марию» – магическое заклинание, спасающее от смерти.

И многие, очень многие после этого стали бояться Ивана Москвы. Боялись его черной тени, которая появлялась на мрачном лице, искаженном смертью, боялись его холодных пальцев, запачканных землей, и самой земли, которая притягивала к себе труп, словно черная дыра. А ночью, когда башня терялась во мраке, к вою ветра и людским стонам примешивался скрип гроба,двигаемого по узким рельсам. И кто слышал этот скрип, тот никогда не забудет его.

В этот день Воцагин закончил работу в полдень. Он умылся и сел за стол, чтобы написать обычный рапорт в управление. Но ему не сиделось. Он прошелся по территории, разостлал на столе карту, взял мел и стал чертить план нового заграждения, придуманного им на основе сообщений воздушной разведки.

Работа увлекла его. Он не слышал ни как во двор въехал автомобиль комиссара, ни как загудел издалека паровоз. Только когда рев мотора замер и на дороге показался начальник штаба, Воцагин отложил мел и прислушался.

– Паршиво дело, – сказал, входя, Меркулов. – Немцы прорвали фронт подо Ржевом и приближаются к Москве. Осталась одна развилка, так, разветвление, – либо их удастся направить в болота, либо они подойдут к столице. Мы усиливаем Ржевское направление, а вас направляем на Ржев. С утра выступаете.

Воцагину выпало много работы. Он вместе с другими бойцами окапывался, маскировал огневые точки. Обросший, грязный, он с остервенением рыл землю, чувствуя, как под гимнастеркой вздымается и опадает грудь.

К вечеру он сменялся и, проходя по мертвым улицам, думал, что город неузнаваем. Ничего не осталось от того уклада, который так тщательно сберегался. От домов и подворий одни крыши остались, зияющие, пустые глазницы окон.

По улицам ездили танки, мерно постукивая тяжелыми лапами. Кругом, куда ни кинь взгляд, торчали серые каски, и было видно, как перемещаются по городу серые тени, точно подражая полету ночных птиц.

Танки, танки... словно и впрямь перед Воцагиным разверзлась пропасть и он глядел в глубину пропасти, где реют тысячи серых теней и из пропасти торчат серые каски...

Где-то в полукилометре от Ржева, в деревне Чанки, телефонная связь была разорвана немецкими бомбами. Тридцатидвухмиллиметровую немецкую батарею просто смел шквал огня, и тут же взорвались снаряды. От деревни мало что осталось.

В развалинах одной из изб лежал труп. Если бы Воцагин мог, он с удовольствием описал бы этот труп: зияющая дыра вместо рта, рыжие кишки, висящие на груди, и круглые то ли от страха, то ли от отчаяния глаза.

– В упор расстреливали, – сказал телефонист, перехватывая винтовку.

На обгоревших досках сидели и лежали убитые – Воцагин увидел это мельком, пробегая. Потом начался лес. Деревья стояли голые, мрачные, и было их много, очень много. Все было серое, излохмаченное.

Здесь сражались партизаны. Об этом свидетельствовали сгоревшие машины, брошенное снаряжение, следы костров, ямы и канавки. Кое-где валялись тела.

– Чисто звери, – сказал наблюдатель, сидевший над головой Воцагина.

– Похоже, подкрепление где-то идет, – сказал второй наблюдатель, закручивая козью ножку.

– Надо бы занять эту позицию, – сказал ротный, пригибаясь и бросая гранату.

После взрыва немцы перенесли огонь на новое место. Рота бросилась бежать. Воцагин бежал в хвосте цепи, вместе с другими рубил сучья для отвлекающего костра. Пожара не получилось, хотя тряпки, брошенные в огонь, занялись хорошо. Бежали долго, все устали, и лес уже не казался таким мрачным, и лесные дорожки были тихими, чуть влажными.

Они бежали долго, лес стал мельчать, потом кончился, и начался редкий березовый лесок. В этом лесу и застопорились. Стояли долго, никто не знал, что делать.

И тогда к Воцагину подошел молчаливый и странный человек. Был он бос, с глазом, повязанным черным платком, с черной винтовкой на плече.

– Не давали сна моего, товарищи, – сказал он глухо и непонятно, – вот и припожаловал. Не давали сна моего, товарищи.

– Ты кто такой будешь? – спросил его Воцагин.

– Я буду Смерти товарищ.

Посмотрел Воцагин на его рваное платье, на босые ноги, почувствовал страх. А потом вдруг весело рассмеялся.

– Так ты, значит, и есть Иван Москва? Ловко! Теперь я знаю, куда я тебя назначу. Есть тут разветвление одно...

Аристократ из Аристограда

Жил-был один аристократ. И жил он в городе Аристоград, который (как, собственно, и следует из его названия) заселен был сплошными аристократами. Когда-то этот город, должно быть, процветал, но постепенно ситуация изменилась: город пришел в упадок, роскошные его дворцы и виллы обветшали и местами обратились в руины, что же касается благородных обитателей города, то они с течением лет превратились почти в бомжей: в грязном и рваном тряпье сидели они вокруг самопальных костров и печурок, грея над огнем свои озябшие чудовищные руки, кто-то ночами выл на луну, другие даже на солнце ухитрялись выть, третьи изъяснялись исключительно грязными и похабными непристойностями, четвертые непрерывно испражнялись, что поразительно, так как еды в городе не хватало. И все же некоторые горожане сохранили ошметки благородных манер, встречались даже неплохие поэты, которые обожали писать стихи ногой на стене, обмакивая ногу в мазут.

Город окружали со всех сторон леса, причем очень даже неплохие леса, богатые ручьями, ежевикой и мухоморами. Бывало, аристократы из Аристограда любили охотиться в этих лесах, но впоследствии их резвые кони издохли, ружья заржавели, и опустившиеся аристократы прониклись равнодушием к миру животных и птиц: интересовали их только грибы. Ягоды отчего-то вышли из моды. Да, так и случилось, но природа полна загадочных равновесий и балансов: аристократы охладели к животным, но зато животные вдруг стали проявлять живейший интерес к аристократам. Поначалу этот интерес обладал несколько плотоядными чертами: волки и медведи все чаще стали атаковать делегации грибников, копающихся в подлеске. Немало народу полегло в лесах, но животные не стояли на месте: к плотоядным и кровожадным интересам примкнул интерес научный. Стали попадаться высокоумные ежи в очках, которые писали объемные диссертации о жителях Аристограда, об их повадках, сленгах и в целом об их запутанной и нелегкой судьбе.

Парочка куниц проникла в город с кинокамерами и сняла довольно компетентный документальный фильм.

Возник даже научно-исследовательский институт, располагавшийся в полом стволе одной древней осины, но затем животные вконец осмелели, стали беспардонно входить в город, уже никого не стесняясь, стали заселяться в дворцы, занимать заброшенные виллы. Бобры привели в порядок рухнувшие мосты. . . Короче, не будем затягивать наше повествование – год шел за годом, десятилетие сменялось десятилетием, и так вышло, что животные заразились аристократизмом. Но, в отличие от доверчивых людей, они не уверовали в безликое божество по имени Деградация: они превратились в бодрых и аккуратных дворян.

Короче, тот аристократ из Аристограда, о котором идет речь, не был человеком. Мне не хотелось бы ранить или разочаровать тех читателей и читательниц, которые все еще принадлежат к человеческому виду, но от правды не спрячешься, от нее не укрыться в бочке с рассолом. Героя нашего звали граф Енот, и он гордился своей полосой антрацитового цвета, которая тянулась от носа его до самого хвоста.

Его сиятельство обитал на вилле под названием «Еловая». Роскошь этой виллы превосходила всякие ожидания. Да и сам он был роскошным господином, чрезвычайно деятельным и предприимчивым, к тому же обладающим изысканными манерами. Все что-то чесалось под его роскошным хвостом, не давая ему возможности пребывать в бездеятельном состоянии. Сначала он увлекся математикой и почти полностью потерял свою мохнатую голову в мире математических формул. Вовремя осознав, что высшая математика незаметно сводит его с ума, граф решил нырнуть в мир моды.

Сделавшись фешен-дизайнером, он дизайнерил множество шуб, панцирей, колючих покровов, чешуйчатых облачений и прочего в этом роде. Животные, ставшие доминирующим

населением Аристограда, к тому моменту настолько пропитались аристократизмом, что не удовлетворялись теми естественными одеяниями, которыми снабдила их природа. Они сделались оголтелыми модниками – в каждой вилле, в каждом палаццо имелись гигантские гардеробные, где хранились эксклюзивнейшие покровы. Некоторые из них были настолько деликатного свойства, что для их хранения требовались специальные аквариумы или же резервуары, заполненные чувствительной студенистой массой. Иначе говоря, в этих одеяниях проступала некая собственная жизнь: кое-кто из них дышал, а иные даже бормотали невнятные речи или напевали песенки, претендующие на некоторое остроумие. Юмор этих одежд, правда, не всегда был на высоте, и некоторые жирные лисятки, искушенные в неоднозначных и остросюжетных шутках, жаловались на то, что их собственные пальто и кургузые пиджачки иногда оказывают не лучшее воздействие на репутацию шутников, добавляя к их изысканному острословию свои собственные бонмо, которые время от времени казались несколько плоскими.

Тем не менее граф Енот процветал в своем качестве кутюрье, и вскоре даже некоторые тонконогие кабанчики, которым особенно трудно было угодить, предпочитали одеваться в модном доме Енота. Граф и так не жаловался на бедность, а тут он сделался окончательно богат. Казалось бы, все шло прекрасно, но вдруг наш герой забросил фешен и заявил всем своим знакомым, что отныне все его силы будут отданы философии. Он заперся в своем дворце, перестал посещать вечеринки и модные показы, и весь город знал, что он работает над неким философским сочинением, которое должно перевернуть все те представления о философии, которые когда-либо гнездились в пушистых, оперенных или чешуйчатых головах.

Через некоторое время философский труд графа Енота действительно увидел свет. Он оказался неожиданно коротким, в целом это был небольшой текст, который мы имеем возможность привести здесь полностью:

Загадочная история нашего города началась с революции. Восставшее население, возмущенное повадками нашей знати, свергло правительство, состоящее из представителей высших каст, но в отличие от других стран революционеры в наших краях оказались достаточно мягкосердечны и вместо того, чтобы уничтожить аристократов, создали для них отдельный город, где те смогли бы жить в свое удовольствие. Но люди – не столь уж прочные твари, что же касается нас, животных, то мы не повторим человеческих ошибок и всегда будем ориентироваться на Стекланный Куб.

Пасека самоубийцы

Пчел Безбородько ненавидел. Кому они сдались, эти пчелы? Сидят себе тихонько в ульях, делают свою работу, жужжат, так нет – понадобилось уничтожить целый улей, причем не где-нибудь, а в месте, где все привыкли видеть лишь великолепие улья и его обитателей. Да, приложил руку к этому делу председатель рабочего комитета пчеловодства Самойлов, правая рука Пчелиного Паука. Неделю назад на собрании предложил Самойлов пчелам присоединиться к РКП, пойти на мировую с баррами. Заикнулся Безбородько, мол, не все пчелы большевики, есть и другие, на что председатель рабочего комитета сказал:

– Без разницы, товарищ, без разницы! Все равно всех не переманим. А так, глядишь, некоторые, которые за мировую, и усилятся.

Объединились пчелы против Самойлова, выбрали свой комитет и стали ждать, что будет. А Самойлов? Сам отошел от них и даже сказал иронически:

– Делайте, ребята, как знаете!

Ну конечно, все этим заявлением и удовлетворились. Зачем делиться, когда и так все ясно? Один комитет убил сразу двух зайцев: и прочие ульи спас, и Самойлова от расправы спас, так как многие считали, что народ просто трусит вступать в РКП из-за пчел. А кроме того, уничтожив гнездо, Самойлов обеспечил себе большинство в комитетском Совете и возможность в любой момент разогнать комитет и поставить на его место своего человека.

Но, уничтожив гнездо, Самойлов не ограничился этим. Разгневанные гибелью улья, пчелы стали таскать его сор к себе из сада и из сараев, тащили рамки с расплодом и даже сам сломанный улей притащили. И вот, когда оставалось поставить в улей лишь расплодную рамку, Самойлов увидел это и схватил улей.

Пчелы зашумели:

– Берегись, Самойлов!

– Сам отдавай!

– Не получишь от нас поддержки!

Самойлов побледнел, открыл рот, но ничего не сказал. А пчелы уже тащили улей к обрыву. Тогда, выхватив из кобуры револьвер, Самойлов стал стрелять по пчелам. Ох и много же он убил! Больше пол-улья. Бросились на него пчелы и жалом, жалом норвят уколоть, а он хоть и с револьвером, а все же человек.

– Сдавайся, Самойлов, – кричали пчелы, – сдавайся!

Но он ничего не слышал. Думал только об улье с пчелами и продолжал стрелять. Наконец на тропинке остались одни только обеспамятевшие пчелы, а под обрывом – окровавленный труп председателя рабочего комитета пчеловодства Самойлова.

Самойлова похоронили с почестями, как героя. А в его доме организовали музей, где висят его фотографии в костюме пчеловода и с винтовкой. И на доске возле фотографии написано золотыми буквами:

«Памяти председателя Пчелиного комитета, товарища Алексея Самойлова, убитого кулаками в 1925 году».

«А что же пчелы?» – спросит читатель. Об этом пчелами написано мало. В основном говорится, что они стали сотрудничать с советской властью. Но это – пчелы-труженики, которые ничего не знали об Октябрьской революции. А что же пчела-королева? – об этом вразумительного ничего не написано.

Встреча

Это началось у меня с самого детства. Где-то с трех лет. Я не могу точно припомнить, что со мной случилось, но я знаю, что нечто произошло. Я заболел. Или нет, я не заболел, я просто превратился в другого человека. Кто-то другой распоряжался мной, моими поступками, желаниями. Я не мог противиться этому, но и не хотел. Это было ужасно. Постепенно это стало приобретать форму. Я не мог противиться приказам одеваться, умываться, идти гулять. Когда я выходил гулять, все вокруг радовались и ликовали. Как только я входил домой, все плакали. Сразу же после прогулки я превращался в послушного истукана, в робота. Я должен был ходить, стараться не шуметь, быть всегда веселым и жизнерадостным. По дому я должен был двигаться бесшумно, помогать по хозяйству, содержать в порядке квартиру, мыть посуду, короче, делать все то, что делают другие члены семьи.

Никто не мог догадаться, что со мной случилось. Я был нормальным, послушным ребенком, учился хорошо. В голову никому не приходило, что я могу оказаться другим. Все принимали меня за такого, как все. И только мама догадывалась о том, что происходит. Я не мог рассказать ей, что произошло, так как это повредило бы ее авторитету в нашей семье. Она бы только еще больше разволновалась и усугубила бы мое состояние. Я решил, что лучше всего затаиться и переждать этот трудный период.

Я покорно принимал все правила игры. Я был тих, скромен, вежлив, весел, никогда не капризничал. Со временем я понял, что все принимают меня за другого человека. Я был нужен этому другому человеку, наверное, как костюм, как некий аксессуар, как некий обязательный атрибут. Я был ярким пятном на фоне серой массы других людей. Но чем больше я старался быть похожим на своего «внутреннего человека», на того другого, который живет во мне и распоряжается моими поступками, тем невыносимее становилось состояние подчинения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.